

244 | в пучину которой ввергли ее и ее народ либерально-рыночные реформы.

Он любил Африку, ее народы и мечтал о союзе русского народа, народов России с африканскими народами, часто указывая в беседах с нами, его товарищами, на эмоциональную и духовно-нравственную близость, которая лежит в возможностях такого союза.

Опираясь на свои исследования в африканистике, он выходил на глобальное социокультурное и ноосферно-экологическое проблемное поле, подчеркивая важность синтеза рационального и иррационального – левополушарной и правополушарной культурных парадигм, требовал уважительного отношения к «архаике», к «синкретизму»

природного мышления молодых природных этносов, не потерявших связь с кормящими ландшафтами. Двигаясь в этом пространстве своей рефлексии, он незадолго до кончины предложил новый научный горизонт в логике развития этнологии – этнософию.

Наследие В.Р. Арсеньева ждет еще своих будущих исследователей.

Мы желаем его дочери и внуку, вдове и сыну мужества – теперь, когда его нет с нами.

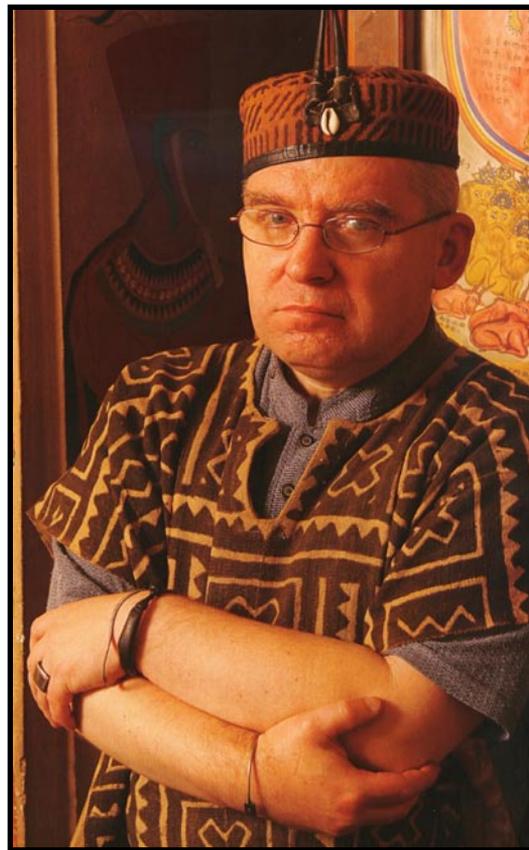
Для нас Владимир Романович Арсеньев не умер – он просто ушел в иной мир Космического Универсума, чтобы оттуда вести с нами непрекращающийся диалог и поиск смыслов жизни на Земле и в Космосе, предназначения Человека и его Разума!

А.Ю. Москвитина (Сиим)

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА РОМАНОВИЧА АРСЕНЬЕВА

Никто не предвидел события, весть о котором пришла утром 30 октября 2010 г., когда сообщили о скоропостижной кончине этнографа-обществоведа Владимира Романовича Арсеньева – живой легенды отечественной и мировой африканистики. Смерть наступила в результате кровоизлияния в мозг, случившегося прямо во время его выступления на конференции памяти Н.М. Гиренко двумя днями раньше. Его доклад был выстроен на дневниковых заметках разных лет об отношениях с Н.М. Гиренко; приступ случился перед выступлением. Причину инсульта многие видят в хроническом стрессе. Но это объяснение было бы самым простым и банальным, да и сам В.Р. Арсеньев вряд ли бы его принял. Его уходу сопутствовал ряд происшествий, подобных тем, что он сам не раз описывал в своих полевых материалах о традиционной обрядности изучавшегося им народа бамбара и в охотничьих рассказах. Такие вещи в быту называют «мистическими стечениями обстоятельств», а в реалиях бамбара воспринимают как перемещения и излияния *ньяма* – материализованной энергии, обеспечивающей жизнь и баланс организма (индивидуального и социального).

Владимиру Романовичу было всего 62 года, через три недели он собирался лететь во Францию на торжественное заседание Академии наук заморских территорий в честь 50-летия независимости африканских государств, а в марте должен был ехать в экспедицию в Мали; он готовил очередной – «методологический» – выпуск альманаха «Манифестация» и продолжал писать свой

Владимир Романович Арсеньев; надеты элементы охотничьего костюма бамбара: шапка с рожками антилопы, накидка, сделанная в традиционной технике боголан (нанесение на ткань узоров с помощью красителей – специальной глины, отвара коры определенного дерева), создающей эффект камуфляжа. 2005 г.

автобиографический роман, в редакции МАЭ РАН шла работа по подготовке к изданию его пятой по счету монографии «Бамбара: культурная среда и овеществленный мир западносуданского этноса в коллекциях МАЭ РАН», редактором и автором предисловия к которой мне посчастливилось быть.

На момент своего ухода из жизни В.Р. Арсеньев занимал скромную должность старшего научного сотрудника Центра политической и социальной антропологии МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН и имел научную степень кандидата исторических наук. В силу своих личностных особенностей он так и не воспользовался возможностями защитить докторскую диссертацию. На вечере его памяти сотрудники с улыбкой вспоминали, как вместо плановых статей он неожиданно написал и вписал в отчет монографию на совершенно иную тему, и по-детски обижался, когда ее отказывались зачитать. Неудивительно, что всегда предсказуемо непредсказуемый Владимир Романович, считавший себя «принадлежащим Вечности», предпочитал считать написание докторской и повышение в должности формальностями, отягощавшими его творческую жизнь. Гораздо более значимыми для него свидетельствами признания и общественно-научной состоятельности были заслуженные им избрания в иностранные члены Академии наук заморских территорий – l'Academie des Sciences d'Outre-Mer, (Париж, Франция, 1999), в члены Научного совета РАН по проблемам Африки (1999) и Парижского общества африканистов (2004). А также – и особенно – принятие в клан Кулибали народа бамбара в Мали (символическое усыновление под именем Нчи, что означает «первый [сын]»), и посвящение в традиционный союз охотников бамбара после обучения у легендарного охотника-донсо Каласа Баги.

Его жизнь в науке прошла все этапы, преодоленные европейцами на пути постижения Африки и иных культур. Началась она от чувственного восприятия – с культурного шока и увлечения образами африканского искусства, увиденными им впервые в двенадцатилетнем возрасте на выставке в московском Музее искусств народов Востока. Ради приближения к столь непохожему на наш образному миру он поступил на кафедру африканистики Восточного факультета Ленинградского государственного университета изучать культуру и историю Западной Африки и язык проживающего в Мали народа бамбара. После окончания курса уехал на военную службу в Мали, где,

владея французским и языком бамбара, два с половиной года (1971–1974) работал военным переводчиком и получил звание капитана, которым впоследствии гордится больше, чем академическими статусами. Участие в сотрудничестве СССР и Мали по линии министерства обороны позволило В.Р. Арсеньеву пережить опыт тех подвижников эпохи колониализма, которые в романтически-патриотическом порыве стремились преподнести жителям заморских территорий лучшие достижения своей страны и цивилизации, но по мере погружения в жизнь других народов осознавали, что пытаются просветить людей, культура которых во многих отношениях более многомерна, чем их собственная. Дальнейшие поездки в Мали и Буркина Фасо (1980–81, 1996–97, 2002, 2005) перемежались с периодами осмысления и упорядочения увиденного в Африке в кабинетных условиях – в ЛЧ Института Этнографии АН (Кунсткамеры), куда он поступил в аспирантуру, которую закончил в 1977 г., хотя кандидатскую диссертацию по общественному укладу бамбара (ее научным руководителем был основоположник отечественной африканистики Д.А. Ольдерогге) защитил несколькими годами позже. С 1977 по 2006 г. состоял в отделе Африки, с 2006 г. до конца жизни – в Центре политической и социальной антропологии МАЭ РАН.

За это время он написал несколько монографий («Звери–боги–люди» (1991), «Альтернативы будущего» (1996), «Бамбара: люди в переходной экономике» (1997), «Бамбара: от образа жизни к образам мира и произведения искусства. Опыт этнографического музееведения» (2000) и отдельно опубликованный «Свод понятий этнософии» в трактатной форме; в ближайшее время выходит его последняя книга «Бамбара: культурная среда и овеществленный мир западносуданского этноса в коллекциях МАЭ РАН», завершенная в 2009 г.), более двухсот научных и около сотни аналитических публицистических статей. В его трудах изучаемые им африканские общества, их духовная и материальная культура не рассматриваются как объекты изучения, а выступают как субъекты в диалоге культур. В написанных им текстах нет скрытого морализаторства о богатстве традиций этих культур, нет их идеализации, которая часто встречается у ученых-эмпириков, искренне увлеченных и восхищенных своим полем, но, как следствие, слишком эстетизирующих и романтизирующих его, что приводит к утрате живого слова как в «цитатах из самого поля», так и в собственно авторском научном тексте. Он не разделял мнения некото-

рых коллег-этнографов о том, что главное в полевой работе – собрать материалы, а идеи придут потом. Он согласился бы – возможно, в менее категоричной форме – с убеждением весьма уважаемого им классика антропологии Э. Эванса-Притчарда о том, что «любой, кто не является полным идиотом, может вести полевую работу... Каждый способен добыть новый факт, вопрос в том, как родить новую идею». Его строгая принципиальность в этих вопросах объясняется не только восприятием науки как творческого процесса, идущего от идеи, но и проблемой исследовательской этики. Ведь без изначальной идеи, в которой объективно заложены цели исследования, собранный материал не всегда может быть применен корректным образом. Исследователь обязан интуитивно спонтанно чувствовать, где его вторжение в чужую культуру может привести к еще большему разрушительному вмешательству со стороны, и в таких случаях ему надлежит пожертвовать своим научным интересом. Именно В.Р. Арсеньев одним из первых актуализировал в отечественной и зарубежной науке тему охотничьих союзов и роли родства по клановым именам *джаму* в традиционных потестарных системах Западной Африки и является «классиком» в этой области. Тем не менее, по этическим соображениям, в определенный момент, несмотря на востребованность темы и даже отчасти ввиду этой востребованности, он счел себя обязанным ее закрыть. И факт своего посвящения в охотничий союз в Мали расценивал как негласное требование среды приостановить активные исследования в этой области.

Такие ограничения и допущения в поисках целостного подхода к описанию и объяснению культур Западной Африки выводили его на общие проблемы наук о человеке – социологии, политологии, культурологии. Опыт работы с чужими культурами и обществами диктовал ему необходимость изучения общественных процессов и разработки стратегий поддержания жизни в рамках своей культуры и цивилизации. Именно поэтому В.Р. Арсеньев активно занимался вопросами геополитики и прогнозированием общественных процессов в России, Франции и других странах. Предложенные им дисциплинарные концепты *этнософии* и *социологологии* были нацелены на разработку стратегий оптимального развития единого мира с учетом опыта альтернативных форм цивилизации.

Есть мнение, что тем, кому нечего сказать и у кого нет своих материалов, начинают заниматься историей науки. В таких случаях В.Р. Арсеньев ссылался на слова одного из своих учителей – историка и обществоведа

африканиста Л.Е. Куббеля – о том, что в исследовательской деятельности именно история науки является «высшим пилотажем». Но только если под историей науки понимать не архивную работу по выяснению биографических подробностей жизни и деятельности конкретных персоналий, составление агиографий наиболее ярких представителей направления, накопление научных *анекдотов*, экзегетические компиляции по тому или иному вопросу. Не вполне устраивала Арсеньева история науки в своей более высокой теоретической форме как антропология академических кругов. Для него главным был поиск идеи, объединявшей в определенном времени и пространстве людей: их жизни, высказывания, действия, тексты, – способные в своей сумме и взаимодействии развивать и преобразовать саму идею. Ведь изучая иные общества и культуры, в конечном счете, специалисты изучают и отражают себя и свое общество. Для Арсеньева обращение к истории науки было внутренней потребностью и способом пролить свет на отдельный *фрагмент знания* и его связь с научной и бытийной целостностью. Поводом осуществить это стала для него идея «Ленинградской школы африканистики» (ЛША), возникшей в антагонистическом единстве нескольких фигур: Д.А. Ольдерогге – признанного основателя советской африканистики, В.М. Мисюгина – альтернативного неформального лидера этой науки и Н.М. Гиренко – видного теоретика-обществоведа, впоследствии трагически погибшего в результате своей правозащитной деятельности. Себя Арсеньев в этой конфигурации видел как идеолога школы, осознавал ее как особое явление, дав ей имя. Издание учебно-теоретического журнала «Манифестация», публиковавшегося с 2000 г., служило разворачиванию концепции ЛША. Позже он пришел к выводу, что «Ленинградская школа африканистики» существовала «лишь в интенции» и даже написал по этому поводу статью «Реквием по Ленинградской школе африканистики». Но к тому моменту само название ЛША уже прижилось в научной среде, преодолев ее сопротивление и превратившись в научный бренд, у большинства так или иначе причастных к ней людей сложились свои интерпретации стоящего за ним явления и версии видения этой школы. Его стремление быть мифотворцем и творцом истории науки отразилось в его серьезном отношении к передаче знания младшим поколениям исследователей – он читал ряд дисциплин на кафедре африканистики на Восточном факультете СПбГУ, был приглашенным преподавателем в университете Париж-10 (Париж-Нантерр) и Высшем

военном училище Сен-Сир во Франции. С 1998 г. до конца жизни руководил этнософским семинаром, где обсуждались проблемы методологии и прикладных исследований в гуманитарных науках.

В.Р. Арсеньев передал в фонды МАЭ РАН более 10 этнографических коллекций общим объемом 1500 предметов по культуре народов Африки и России (Карелия, Пермская область, Курильские острова). нынешняя постоянная экспозиция по субсахарской Африке как минимум на десять процентов состоит из привезенных им предметов. Более 500 предметов передал В.Р. Арсеньев в Государственный Эрмитаж: это высококачественные образцы традиционного африканского искусства – скульптуры, маски, ткани и украшения, а также денежные знаки и значки из африканских стран, хранящиеся в отделе нумизматики. Его мечтой было открытие в Эрмитаже постоянной экспозиции по искусству Тропической Африки по аналогии с Pavillon des Sessions в Лувре. Коллекции Арсеньева занимают важное место в фондах Государственного музея истории религии, Санкт-Петербургского музея игрушки. Являясь опытным музейным экспертом, большое внимание Владимир Романович уделял частным коллекциям африканского искусства в России, музеефикацию которых считал общественно важным делом. Этнографическое музееведение для него было наукой по расшифровке образных кодов чужих культур, данных в материальных предметах, и искусством демонстрации этих кодов в музейной экспозиции через правильно подобранные комплексы вещей. В этой области Арсеньев был выдающимся теоретиком. Его приглашали в рабочую группу открывшегося в 2006 г. Музея Набережной Бранли (Musée Quai Branly) – крупнейшего во Франции научно-исследовательского музея этнографического искусства. Но он уклонился от этого престижного предложения, так как не вполне разделял концепцию проекта и был предан музею, в котором работал сам.

Арсеньеву был свойствен своего рода идентификационный синкретизм. Мали он воспринимал как свою вторую Родину и говорил, что из всех форм материализованного признания самой почетной для него было звание почетного гражданина Мали. Там он – Нчи Кулибали – был полноправным идейным представителем Мали, а в самом Мали, пожалуй, одним из самых известных наших соотечественников. Находясь там, он участвовал в научных конференциях и слетах традиционных охотников, выступал по телевидению. Живущие в Петербурге и Москве выходцы из Мали и других африканских стран считали

его своим, часто приходили за советом. Они не раз с удивлением отмечали его способность «быть настоящим бамбара»; о его знании языка говорили, что «слушая его речь, как бы чувствуешь прикосновение изнутри». Но хотя эпиграфом к одной из его монографий стоит фраза на бамбара с переводом на русский «Всем бамбара – один из них», одной из любимых присказок Владимира Романовича была бамбарская же пословица «Сколько бревно в воде ни пролежит, крокодилом ему не стать».

Глубинная духовная связь была у В.Р. Арсеньева и с французской культурой. Воспитанный бабушкой – выпускницей Бестужевских курсов, Владимир Романович с детства слышал французскую речь и выучил французский язык почти в совершенстве. Его исследовательская и общественная деятельность вызывала огромный интерес и уважение в академических, дипломатических и политических кругах во Франции. Но, выступая и работая там, он всегда отстаивал интересы своей страны.

Учитывая многосторонние научные и жизненные интересы В.Р. Арсеньева, можно говорить и о его профессиональном синкретизме. Размышляя о соотношении и гармонии образных и абстрактно-логических систем – как в научном познании, так и в восприятии носителями определенной культуры их собственного экологокультурного космоса – он часто критиковал современную гуманитарную науку за утрату образной составляющей. В своем собственном научном опыте он стремился восстановить этот баланс. И считал, что произведение гуманитарной науки должно соответствовать критерию художественности. Сам Арсеньев обладал несомненным беллетристическим и изобразительным даром; он автор трех романов, множества рассказов и стихотворений, нескольких сотен интереснейших графических работ (в большинстве своем это зарисовки из поездок в Африку). Владимир Романович не раз говорил и писал, что наука должна быть азартной и веселой, а неотъемлемыми качествами ученого считал радостный интерес к своему предмету и умение видеть в нем тайну, даже когда он досконально изучен. Только такое отношение позволяет осуществлять «скользящее взаимодействие» с изучаемой средой и полноценно представить ее. Только при наличии эмпатического подхода ученый способен расставить и авторские акценты в своей интерпретации иных жизнепроизводящих систем. Там, где иной человек разглядит лишь несколько хижин, населенных информантами, он видел и чувствовал присутствие всецело одушевленного мира сразу в нескольких измерениях. К этой

248 | исключительной особенности его внутреннего зрения подходит литературоведческое определение «мистического реализма», о котором говорят в отношении таких писателей, как, например, Жоржи Амаду.

Такой мистический реализм Владимир Романович в высшей степени проявлял в общении. Именно это качество, наряду с эрудицией, нетривиальным аналитическим талантом, чувством юмора, душевной теплотой и «эмпатическим подходом» к каждому из собеседников привлекало к нему и его исследованиям множество людей, только начинающих свою жизнь в науке. Можно сформулировать проще: в умении заинтересовать молодежь Арсеньеву не было равных. В своих учеников он вкладывал огромное количество времени, сил и душевной энергии. Владимир Романович исповедовал идеалистичные взгляды на институт учительства и ученичества. Некоторые коллеги-востоковеды иногда в шутку сравнивали его с шейхом суфийского братства, а историю его отношений с учениками – с духовным джихадом. В реальности получалось несколько иначе, и когда кто-то из его учеников начинал самостоятельный путь, он эмоционально тяжело это переживал как разрыв. Сегодня многие старшие коллеги Арсеньева много говорят о необходимости продолжения его дела общавшимися с ним младшими коллегами. В буквальном смысле это не представляется возможным, так как в физическом отсутствии Владимира Романовича никто не в состоянии его заменить. Тем более, что он мало кого обучал последовательно и напрямую в отношении именно своих тем исследования.

Но, по меньшей мере, сейчас продолжение его дела нужно понимать как «продолжение своего дела» с живой и осмысленной памятью о нем и его наследии, признавая его учительское влияние.

В настоящее время готовится к изданию сборник памяти В.Р. Арсеньева, изначально сделанный как юбилейный сборник «Манифестшрифт» (названный по созвучию с его «Манифестацией»). В рамках научно-музейного проекта молодых ученых МАЭ РАН «Музейная лаборатория» совместно с библиотекой Восточного факультета СПбГУ готовится посвященная ему выставка «Бремя белого человека» по его коллекции колониальных открыток. На ежегодной конференции Восточного факультета СПбГУ будет организован круглый стол памяти В.Р. Арсеньева «Архаика как источник исследования цивилизационных концепций и идентификационный синкретизм».

После смерти Арсеньева немало хорошо знавших его сослуживцев со скорбью говорили, что он был глубоко несчастным человеком. С этим трудно согласиться. Его жизнь с самого детства проходила в состоянии сильного стресса, тревожного напряжения и борьбы. Но по своей интенсивности и полноте она сопоставима с несколькими жизнями сразу, и несмотря на бесконечные невзгоды и препятствия, которые он часто провоцировал сам, в ней были периоды и моменты счастья – счастья человеческого, счастья первооткрывателя, счастья в философском представлении о благе, – выходящего за пределы понимания благополучных людей с обыденными представлениями о счастье.

Т.Б. Уварова

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

По материалам международных научно-практических конференций «Реальность этноса», 1999–2010 гг. Санкт-Петербург

20–21 мая 2010 г. в РГПУ им. А.И. Герцена состоялась 12-я Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса. Образование как фактор устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»*. Кон-

ференция была посвящена 80-летию Института народов Севера, уникальному учебному заведению, где изучаются более двадцати языков и культур малочисленных народов России, проходят подготовку научные сотрудники, педагоги, работники в области

* Реальность этноса: Образование как фактор устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К 80-летию Института народов Севера (Санкт-Петербург, 20–21 мая 2010 г.). – СПб.: Изд-во РГПУ, 2010.